

Орловщина литературная

ВЕЛИКИЙ ПИСАТЕЛЬ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

СЕГОДНЯ В ОРЛЕ И ОБЛАСТИ ПРОХОДИТ ТУРГЕНЕВСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРАЗДНИК. СОТНИ ОРЛОВЦЕВ, ЖИТЕЛЕЙ МЦЕНСКОГО РАЙОНА СОВЕРУТСЯ ДНЕМ В СПАСКОМ-ЛУТОВИНОВЕ, А ВЕЧЕРОМ ПРАЗДНИК ПЕРЕНЕСЕТСЯ В ОРЛОВСКИЙ КИНОКОНЦЕРТНЫЙ ЗАЛ «ЮБИЛЕЙНЫЙ», ГДЕ СОСТОИТСЯ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВЕЧЕР «ВЕЛИКИЙ ПИСАТЕЛЬ ЗЕМЛИ РУССКОЙ».

ПАФОС ГУМАНИЗМА

Л. Н. Толстой ценил автора «Записок охотника» как писателя-гуманиста, разгадавшего в русском крестьянине, «этом жалком и достойном классе», «больше доброго, чем дурного». Тургенев горячо верил в богатые потенции русского народа, в возможность его будущего плодотворного развития, в минуты пессимистических раздумий он вспоминал свою любовь к «великому, могучему, правдивому и свободному русскому языку» и думал: «нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу».

Благодаря чуткости к жизненной правде и диалектичности философского мышления Тургенев, постепенно по своим политическим воззрениям, понял, что процесс общественного развития совершается путем борьбы противоположных начал. Не случайно он стал певцом «нравственной нови». Как писали народолюбцы, Тургенев «служил русской революции сердечным смыслом своих произведений», «любил революционную молодежь, призывал ее святой и самоотверженной». Действительно, писатель ценил людей донкихотского склада, живущих «вне себя, для других, для истребления зла», вызывавших восторженную любовь народа, потому что масса беззаветно предана тем, которые «идут неуклонно вперед, вперив духовный взор в имми только видимую цель». Рудин, призывавший служить «общему благу», Лаврецкий, учивший пахать землю и как можно лучше ее пахать, Инсаров, живущий мечтой об освобождении своей родины от турецких захватчиков. Лиза Калитина с великим сознанием нравственного долга, Елена Стахова, размышляющая над вопросом о том, как сделать добро, русская девушка из «Порога», совершающая жертвенный подвиг ради торжества справедливости на земле, — все это люди с высоким сознанием своей нравственной и гражданской ответственности перед родиной и народом.

Тургенев ценил в челове-

ке активное, героическое начало, способность жертвовать собою ради торжества правды, осуждал в человеке эгоистическую сосредоточенность в себе. «Российских гамлетов» он изображал как «одиноких» и «бесплодных», «бесплодных» массе, высоко поднимал людей донкихотского склада за «крепость нравственного состава», за преданность идеалу.

Салтыков-Щедрин признавал в Тургеневе великого гуманиста, который, подобно Пушкину, никогда не покидал почвы общечеловеческих идеалов, пробуждал «те простые, всем доступные общечеловеческие «добрые чувства», в основе которых лежит глубокая вера в торжество света, добра и нравственной красоты». Любовь к человеку, стремление раскрыть его несомненную духовность, борьба за раскрепощение щедро одаренного народа, униженного рабством и насилием, — вот что является основной особенностью творческого наследия Тургенева. В своих «Литературных и житейских воспоминаниях» он писал о том чувстве смущения, негодования и отвращения, которое вызывала в нем помещичья, крепостная среда: «В моих глазах враг этот имел определенный образ, носил известное имя: враг этот был — крепостное право. Под этим именем я собрал и сосредоточил все, против чего я решился бороться до конца, с чем я поклялся никогда не примириться... Это была моя аннибаловская клятва; и я не один дал ее себе тогда».

Не только в «Записках охотника», но и в романах Тургенев руководствовался сознанием великих нравственных сил, таившихся в глубинах духовного «я» народа, хотя объектом изображения в романах стал не народ, а «быстро изменяющаяся физиономия русских людей культурного слоя», т. е. представители русской интеллигенции в их противопоставлении официальной России. Продолжая традиции Пушкина, Тургенев расширяет значение народной темы, обра-

щаясь к ней при изображении исторической судьбы дворянского класса. Общественно-нравственную ценность персонажей из господской среды Тургенев в своих романах проверяет степень их близости к народу. От соприкосновения с величайшей нравственной силой народа духовно возмущаются лучшие люди — Лиза и Лаврецкий, Елена и Инсаров, Марианна и Нежданов, Машурин и Маркелов. От личного, эгоистического они постоянно обращаются к общему, к судьбам родины и путем ее исторического развития. Свою близость к родине Лаврецкий ощущал в заграничных скитаниях — он страдал там, потому что «жизнь подчас тяжела становилась у него на плечах — тяжела, потому что пуста». Он тянулся в Россию и свое дело связывал с нею. Только в условиях катастрофы в личной жизни: «скорбь о прошедшем таяла в его душе, как весенний снег и — странное дело! — никогда не было в нем так глубоко и сильно чувство родины». Лиза Калитина осуждает западника Панишина: «самоадекватный тон светского чиновника ее отталкивал; его презрение к России ее оскорбило. Лизе и в голову не приходило, что она патриотка, но ей было по душе с русскими людьми, русский склад ума ее радовал». Няня Агафья Васильевна своими рассказами о «праведных людях», которые зорко видели мирскую неправду и гибли за веру, ввела девочку «в мир народных верований и сочувствий, воспитала в ней любовь к простому народу». Моральная чуткость Лизы, необычная в дворянской среде, делает ее ответственной за ложь и нечестность всего дворянского сословия. Но сознание долга обращает ее не к борьбе за переустройство жизни, а к отречению, к смирению, к религиозному подвижничеству: «Я все знаю, и свои грехи, и чужие, и как папенька богатство нажил, я знаю все. Все это отомстить, отмо-

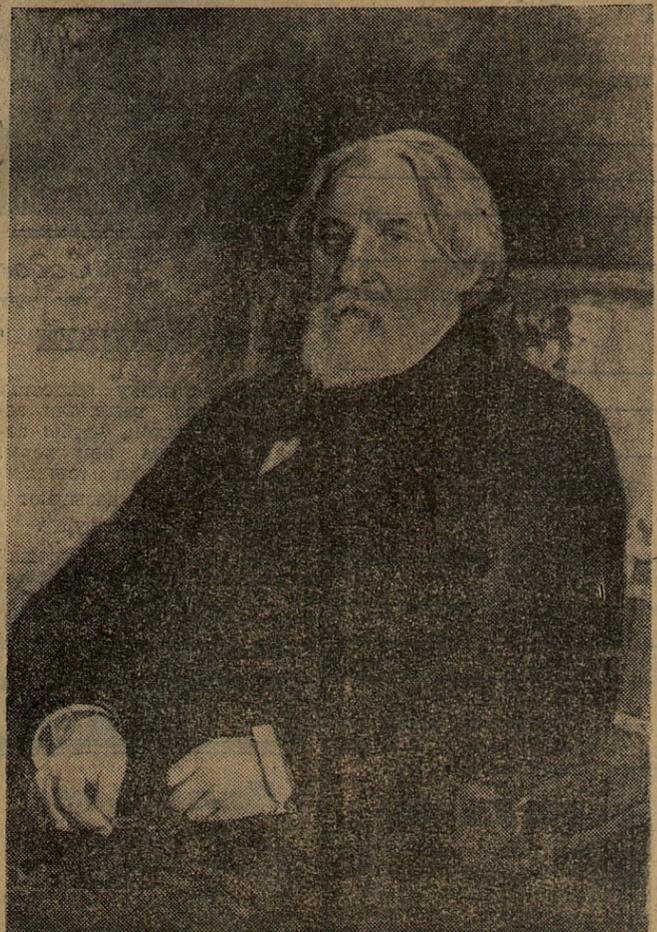
лить надо». Нас покоряет в Лизе та нравственная сосредоточенная и непреклонная сила, с которой она служит тому, что считает истинной.

Внимание к внутренней духовной жизни крестьянства, проявленное в «Записках охотника», имело огромное значение для идейно-творческого развития Тургенева: оно оплодотворило его чувством моральной чистоты и сознания широких перспектив национального развития. Именно поэтому романы Тургенева несут в себе пафос забвения себя ради «общего дела», пафос отречения от личных эгоистических целей, глубокое убеждение в том, что «поричать, бранить имеет право только тот, кто любит». Тургенев выступал не только писателем-гуманистом, но и писателем-патриотом, всем своим существом близко стоявшим к самой сердцевине своего народа, к самому средоточию русской жизни. Он полагал, что «выразить сокровенную сущность своего народа» — «высшее для художника счастье».

Народно-национальная тема реализуется почти во всех произведениях Тургенева. Он умел и любил погружаться в народную жизнь, в народную речь — в то «море», которое «разлилось кругом безбрежными и бездонными волнами», умел направлять часть этих волн в свое русло. Тургенев обращался к писателям с заветом: «Берегите наш язык, наш прекрасный русский язык, этот клад, это достояние, переданное нам нашими великими предшественниками».

Тургенева, как и других русских писателей, сформировала середина Русь, наделив великим чувством родины, своей нерасторжимой связи с ней. Убеждение, что «Россия без каждого из нас обойтись может, но никто из нас без нее не может обойтись», определило характер всего его творческого пути.

Г. КУРЛЯНДСКАЯ,
Доктор филологических наук, профессор.

Василий КАТАНОВ

ДУШОЙ ПРИКОСНУТЬСЯ

Высокая радость — в родной стороне
Под гулы рабочего дня проснуться,
Тургеневский берег увидеть в окне,
Душою к строке золотой прикоснуться.
Тургеневский город,
Тургеневский край,
Тургеневских лип величавых аллеи...
Как был ему мил тут сиреневый май!
Как светел июль был, зарею алей!
Иду ли я парком, листвою урша,
Стою ли в Орле у старинного дома,

Волненьем моя закипает душа:
Ведь все, что я вижу, по книгам знакомо.
Шумят перелески страницами книг,
Суровыми былями прошлого века,
О, как он народную правду постиг!
Как дерзко возвысил мечту человека!
Сияй над Окой, голубой океан,
Заря, полыхай над полями багрово!..
В краю, где родился Тургенев Иван,
Горит незаконное русское слово.

Анатолий ШИЛЯЕВ

БЕЖИН ЛУГ

Я иду оттуда, где поэзией
Дышит знаменитый Бежин луг,
Где бродить, наверное, полезнее,
Чем лететь на север и на юг.

Родина Тургенева и Фета
С голубыми бликами в Оке,
Ты давно поэтами воспета
На великом русском языке.
Тут мое далекое начало,
Тут мои надежды и дела.
И отсюда песня зазвучала,
Что поэтов Родине дала.

В КОНЦЕ МАЯ, ожидая очередную экскурсию по тургеневским местам, я стоял около древней льговской церкви и смотрел на полуразрушенную плотину, когда-то перекрывавшую реку Вытебеть. День был светлый, теплый. С неба ласково смотрело весеннее солнце. Вдали чернел лес и простиралась зеленая полоса луга.

За лесом показалось стадо коров. Женщины в пестрой одежде гнали их на пастбище. Ко мне подошла старушка лет восьмидесяти с ореховой палкой в руках и спросила:

— Кого ждешь, голубчик? Я ей объяснил. Она печально посмотрела на меня, потом с трудом чуть выпрямилась и молча слабым движением руки показала в сторону братской могилы, где похоронены наши воины, освобождаящие Льгов.

— Что вы хотели, бабушка? — сказал я.

Если приедете во Льгов...

— Мой сынок тоже погиб в этой проклятой войне. А где похоронен, бог его знает. Это была Волнова Матрена Ефимовна.

— Матрена Ефимовна, — обратился я к старушке, — вы что-нибудь слышали о льговском Сучке, о котором Тургенев писал?

— Кузьме-то? — Да. — Как не слышать, — с улыбкой сказала она. — Это мой дальний родственник. Мой муж Герасим Сергеевич — правнук Сучка по линии брата.

— Откуда это вам известно? — Как же? Отец моего мужа Сергей, внук Сучка, много нам рассказывал, бывало, в зимние вечера о старине. Не дай бог как жили.

Льговские господа Пехтерева были лютые. Кузе (Сучку) нашему барыня не разрешила жениться. А брат его имел большую семью. Но судьба его была печальная.

— Что же случилось с ним? — А вот что. Жена его не могла вовремя собрать для барской кухни грибов и ягод. За это ее посадили в амбар под замок. Утром глянули — она была уже мертвая. Осталась семь детей-сирот. В этом же году ее муж, прадед моего Герасима, ночью караулил дворню и на заре задремал. Барин отправил его на псарню мыть и чесать собак. Но на этом господская прихоть не кончилась. В воскресенье в присутствии всех дворовых «виновнику» было приказано выпить шесть бутылок со-

лей воды. Он пил до тех пор, пока не упал. На барском крыльце раздался злобный смех. Прадед не вынес такого унижения и издевательства. На второй день он убежал из дома. Сироты пошли по миру. Осенью на господской усадьбе произошел пожар: сгорели скотные дворы и амбары с хлебом. Подозрение пало на беглеца, брата Сучка. Барин дал указание уряднику изловить разбойника, но все было безуспешно. Вот какие тяжкие времена, — вздохнув, сказала старушка.

Старый Льгов с курными хатенками и дымной лучиной ныне превратился в культурное колхозное село. По берегам реки тянутся широкие улицы с добротными домами. В каждом доме — радио и

телевизор. По улицам ездят машины и мотоциклы. В центре села — Дом культуры, библиотека; на другой стороне — почта, медпункт, а в саду — восьмилетняя школа, окруженная липами и березами. О безрадостной судьбе Сучка и его брата остались только грустные воспоминания. Темнота и невежество канули в вечность. Если современники Сучка ходили читать и писать письма к дьячку, единственному «грамотею» на селе, то его потомки, льговские колхозники, имеют восьмилетнее, среднее и высшее образование. Колхоз «Заря», председателем которого является кавалер ордена Октябрьской Революции Виктор Серафимович Козьяин, на хорошем

счете. Одну из бригад возглавляет агроном, кавалер ордена «Знак Почета» Платон Алексей. Заведует молочнотоварной фермой Николай Чекулаев. Недавно он встречался с космонавтами и получил в подарок звездный вымпел имени Юрия Гагарина. Доярка Светлана Кузнецова — лауреат премии орловского комсомола. Все они — коммунисты. Многие и из династии Волковых работают в колхозе трактористами, комбайнерами, строителями, медработниками и учителями. А агроном Иван Семенович Волков — директор совхоза «Меловской». Так живут сегодня и работают потомки темноко, забытого крепостного Сучка.

Е. ЛАВРИН.
с. Льгов.
Хотынецкий район.